

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПАССИВА В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ В КОНТЕКСТЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ЗОН ТРАНСПОЗИЦИИ

Давид Арменович Надирян
davidnadiryan751@gmail.com

*Преподаватель кафедры восточных языков,
Государственный университет имени В.Я. Брюсова
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые типологические особенности пассивных конструкций в русском и китайском языках. Отмечается, что указанные конструкции несмотря на типологическую разницу в грамматическом строе данных языков обнаруживают зону транспозиции как на уровне слово расположения, так и грамматической маркированности пассива.

Ключевые слова: Китайский язык, Русский язык, пассив, актив, пассивные частицы, предлог, частица 由, порядок слов, русское простое предложение, китайское простое предложение.

В настоящей статье на примере простых предложений активного строя с простым глагольным сказуемым рассматриваются основные синтаксические структуры китайского языка, являющиеся *genus proximum* конструкций, наиболее типичных для синтаксического строя данного языка. Типологически значимые особенности китайского простого предложения активного строя сопоставляются с аналогичными

конструкциями русского языка с целью выявления зон интерференции и транспозиции.

Исходной посылкой для любого типологически ориентированного анализа китайских синтаксических единиц является положение о том, что «<...> базовым порядком слов в китайском языке является “подлежащее – сказуемое – дополнение” (т.н. структура SVO). <...> структура SVO – это широко распространенное синтаксическое построение, синтаксическая структура, лежащая в основе многих разновидностей простого предложения, наиболее общая норма синтаксиса китайского языка» [1: 231]. При этом типологическая принадлежность китайского языка к изолирующим агглютинативным языкам, проявляющаяся среди прочего, в отсутствии словоизменения обуславливает тот факт, что порядок слов в китайском предложении является, в условиях отсутствия морфологических маркеров слов в предложении, единственным грамматически значимым явлением китайской грамматики. Сказанное означает, что синтаксические инверсии, относительно свободно реализующиеся в языковых системах флективных синтетических языков, в китайском языке характеризуется грамматической значимостью и строго определенным набором правил их регламентирующих. В свете заявленной цели настоящей статьи в качестве второй посылки для нижеприведенных рассуждений необходимо опираться на ту особенность синтаксического строя русского простого предложения, согласно которому порядок слов в русском простом предложении определяется не только и не столько грамматической целесообразностью, сколько коммуникативной организацией предложения. Следовательно, в отличие от китайского языка, порядок слов в русском простом предложении определяется его коммуникативной организацией и тема-рематической структурой. Данная структура традиционно обозначается введенным Матезиусом [2] более емким термином «актуальное членение предложения».

С грамматической точки зрения именно характерной для русского языка морфологизацией синтаксического строя объясняется отсутствие строго определенных рестрикций на изменение порядка слов в предложении. Последний, таким образом, оказывается подчиненным «коммуникативному рангу» (а также его повышению или понижению) того или иного члена предложения: *Мой сын занимается футболом* – **Футболом** (а не другим спортом) *занимается мой сын*. Зачастую повышение или понижение участника ситуации в коммуникативном ранге может и вовсе не сопровождаться какими-либо синтаксическими изменениями: *Мой **сын*** (а не дочь) *занимается футболом*. Такого рода интонационные выделения в РГ–80 принято связывать с субъективно-модальными значениями: «<...> Средства формирования и выражения субъективно-модальных значений весьма разнообразны: это и интонационные конструкции, и конструкции грамматические, и лексические средства, определенным образом взаимодействующие с интонацией и словорасположением <...>» [3: 91].

Что касается возможного изменения словорасположения в русском простом предложении и связанных с ним семантических и коммуникативных особенностей, то в РГ-80 отмечено, что варианты предложений, отличающиеся порядком слов и тема-рематической структурой, образуют коммуникативную парадигму предложения [там же]. Речь идет о вариантах типа *Сын вернулся с занятий* – *С занятий вернулся / сын* – *Вернулся сын / с занятий*.

Из вышесказанного следует, что в словорасположение в простом предложении русского языка предопределяется коммуникативным заданием предложения, а сами перестановки слов влекут за собой изменения коммуникативного, а не грамматического плана. В китайском же языке, как будет показано ниже, тот или иной порядок слов обуславливает грамматическую правильность предложения. Отсутствие морфологических маркеров, как уже было отмечено, приводит к тому, что грамматическая роль порядка слов, а также той или иной позиции

отдельных членов предложения кратно возрастает. Соответственно, зону возможной синтаксической интерференции и транспозиции двух языков необходимо, на наш взгляд, искать, опираясь на то, в какой степени способность данных языков к изменению в словорасположении простого предложения, а также грамматические, семантические и коммуникативные последствия подобных изменений способны «покрывать» друг друга. При этом, конечно же, решающую роль играет типологическая неидентичность русского и китайского языков: развитое словоизменение и проистекающая из него морфологизация синтаксиса русского языка и грамматическая значимость порядка слов в предложении в условиях отсутствия морфологических маркеров членов предложения, характерные для китайского.

Ниже грамматические особенности китайских активных и пассивных простых предложений приводятся по ... [См.: 1]. Лежащую на поверхности зону транспозиции составляют китайские пассивные предложения, в которых по отношению к аналогичным активным предложениям происходит субъектно-объектная трансформация и объект или Пациенс (в терминах семантических ролей [4]) переходит в позицию подлежащего из позиции дополнения, тогда как субъект или Агенс переходит в позицию дополнения. Подобная расстановка характерна также и для русского языка. Активные и пассивные конструкции в русском языке отличаются друг от друга прежде всего синтаксически: производитель действия (Агенс), обозначенный в активной конструкции подлежащим является косвенным дополнением в творительном падеже (агентивным дополнением) в пассивной конструкции. При этом объект действия, выражающийся в активной конструкции прямым дополнением в пассивной конструкции, становится подлежащим. Рассмотрим соответствующие китайские активные и пассивные конструкции:

工人们建造房屋了 (gōngrén jiànzào fángwū le) – 房屋由工人们建造 (fángwū yóu gōngrénmen jiànzào).

При этом во втором трансформе появляется обслуживающая пассив частица 由 yóu, служащая маркером пассива наряду с порядком слов «подлежащее – предлог/служебное слово пассива + дополнение – сказуемое». Характерно, что несмотря на вышеупомянутую типологическую неидентичность и морфологизацию синтаксиса русского языка данный тип трансформаций, как уже было отмечено, является типичным и для русской синтаксической системы и иллюстрируется классическим примером *Рабочие строят дом – Дом строится рабочими*. Здесь также реальный объект переходит в позицию подлежащего, а реальный субъект – в позицию агентивного дополнения, выраженного творительным падежом. При этом если в китайском языке пассив маркируется порядком слов и пассивной частицей 由 yóu 由, то в русском языке маркерами пассива служат постфикс –ся и флексия творительного падежа –ими. Наряду с *Дом строится рабочими*, возможен также и иной порядок слов, выражающий пассив, но при этом коммуникативно маркированный: *Рабочими строится дом*. Подобный способ выражения пассива (сохранение реального субъекта в позиции подлежащего при наличии морфологической маркированности пассива) в китайском языке недопустим и порядок слов, в целом, в пассивном предложении должен соответствовать упомянутой выше формуле. Отметим, что, помимо частицы 由 yóu, маркерами пассива в китайском языке могут служить также предлог 被 bèi, характеризующийся тенденцией к архаизации 将 jiāng, а также 给 gěi, 叫 jiào, 让 ràng, 为 wéi.

Отметим, что еще одной характерной чертой китайского пассива, имеющей аналоги в соответствующем фрагменте русской синтаксической системы, является возможность ухода в закадровую позицию реального субъекта в синтаксической позиции дополнения в закадровую

позицию в случае, когда последний неизвестен или говорящий не считает нужным его упоминать:

这座城市被敌人烧毁了 (Zhè zuò chéngshì bèi dírén shāohuǐ le) – 城市被烧毁了 (Chéngshì bèi shāohuǐ le) (буквально: Город сожжжен врагами – Город сожжжен)

Характерной особенностью подобного выражения пассива с опущенным дополнением деятеля является тот факт, что в данных конструкциях сказуемое непременно следует за подлежащим, а между ними располагается маркирующий пассив предлог *被* *bèi*, функционально схожий с опускающимся отвлеченной связкой *быть* (Ср.: *Деревня была сожжжена*) а также краткой формой страдательного причастия, образующей страдательный залог от соответствующих глаголов совершенного вида. Отметим, что пассивные предложения с опущенным дополнением-деятелей в китайской грамматике традиционно принято относить к двухчленным пассивным предложениям.

Таким образом, сравнительный анализ ряда способов выражения пассива в китайском и русском языках показал, что несмотря на типологическую разницу в грамматическом строе данных языков некоторые способы образования пассива в китайском языке оказываются схожи с моделями образования русских пассивных конструкций на уровне как словорасположения, так и грамматической маркированности самого пассива, образуя таким образом зону транспозиции. Если грамматическая маркированность пассива в русском языке носит флективный характер, то в китайских пассивных конструкциях она выражается посредством специальных частиц и предлогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карпека Д.А.* Синтаксис китайского языка: единицы и структуры. – СПб.: Восточный экспресс, 2019. – 504 с.
2. *Матезиус В.О.* О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967. – СС. 239–245.
3. *Русская грамматика*: [В 2-х тт. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Т. 2. Синтаксис / [Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др.]. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
4. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. – М.: «Прогресс», 1981. – СС. 369–495.

ՉԻՆԱՐԵՆ ԵՎ ՌՈՒՍԵՐԵՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐՈՒՄ ՊԱՍԻՎԻ ԱՐՏԱՀԱՅՏՄԱՆ ՈՐՈՇ ՏԻՊԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ՝ ՏՐԱՆՍՊՈԶԻՑԻՈՆ ԳՈՏԻՆԵՐԻ ՆՈՒՑՆԱԿԱՆԱՑՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Դ.Ա. Նադիրյան

davidnadiryan751@gmail.com

*Արևելյան լեզուների ամբիոնի դասախոս,
Վ. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան,
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում դիտարկվում են ռուսերենի և չինարենի պասիվ կառույցների որոշ տիպաբանական առանձնահատկություններ: Առանձնահատուկ ուշադրություն է դարձվում այն հանգամանքին, որ այս կառույցները, չնայած տվյալ լեզուների քերականական կառուցվածքի տիպաբանական տարբերությանը, հանդես են բերում մի շարք ընթանրություններ՝ կապված ինչպես շարադասության, այնպես էլ պասիվ կառույցների քերականացման հետ:

Բանալի բառեր՝ չինարեն, ռուսերեն, պասիվ, ակտիվ, պասիվ կառույցներ, միացյալ բառ, 田 մասնիկ, բառերի շարադասություն, ռուսերեն պարզ նախադասություններ, չինարեն պարզ նախադասություններ:

ON SOME TYPOLOGICAL FEATURES OF PASSIVE EXPRESSION IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES IN THE CONTEXT OF IDENTIFYING ZONES OF TRANSPOSITION

D. Nadiryan

davidnadiryan751@gmail.com

*Lecturer at the Department of Asian Languages,
Brusov State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article examines certain typological features of passive constructions in Russian and Chinese languages. It is noted that, despite the typological differences in the grammatical structures of these languages, the mentioned constructions reveal a zone of transposition both at the level of word order and grammatical marking of the passive voice.

Keywords: Chinese language, Russian language, passive, active, passive particles, preposition, particle 田, word order, russian simple sentence, chinese simple sentence.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 02 августа 2024 г.,
подписана к печати в номер 14 (18) / 2024 – 25.12.2024 г.*